

Читайте в серии
«Молодежная российская романтическая проза»:

- В погоне за счастьем Мари Клейн
Босиком по асфальту Элеонора Фео
Шаг навстречу тебе Диана Майерс
Эскиз нашей любви Лина Винчестер
Любовь под ритмы рока Айли Фриман
Расправь свои крылья Айли Фриман
Созвездие для Шелл Тесса Эмирсон
Осколки грёз Кэролайн Невилл
Приручи меня, если сможешь Селена Вест
Между нами пламя Кира Сорока
Трещины и гвозди Элин Альто
Ты мой Стейси Савицки
Игра на грани фола Джули Дейс
Это лишь игра Рита Навьер
Ты — мой главный соперник Мария Хайт
Любовный кусь Анна Рыжак
Буду твоей Верой Анна Белинская
Цикл «Мечты наших сердец»
Вкус свободы Кейт Вэйл
Пари на любовь Кейт Вэйл

Анна Белинская

Буду твоей
Верой

Freedom

Москва
2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Иллюстрация на обложке *Киры Мори*
Художественное оформление *Елены Ефименко*

Белинская, Анна.

Б43 Буду твоей Верой / Анна Белинская. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Young Adult. Молодежная российская романтическая проза).

ISBN 978-5-04-204543-1

Я Вера, неприметная отличница в очках и скромной одежде. Вечеринкам я предпочту домашние посиделки, а дорогим нарядам — хорошие книги. Второй год я страдаю по самому популярному парню нашего курса, а он меня не замечает. Ведь Артем красавчик, рядом с которым сияют самые красивые студентки. Разве я смогу когда-нибудь их затмить?

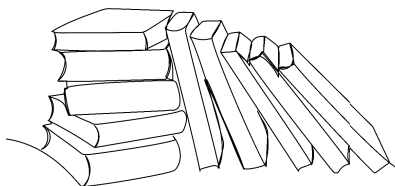
Возможно. Если Егор, заносчивый спортсмен, местная звезда гандбола, притворится моим парнем взамен на помощь с учебным проектом. Хотя он раздражает меня до икоты, наша сделка — отличный шанс привлечь внимание Артема.

Как далеко зайдет эта игра? И почему все больше кажется, что Егор — тот, кто мне на самом деле нужен?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204543-1

© Анна Белинская, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

1. Вера

— *М*ам, ну как?
Я забегаю на кухню и кручусь вокруг своей оси, слегка расставив руки в стороны. А больше и не получится — дверной проем настолько узкий, что моему папе приходится проходить боком.

— Красавица! — Мама поднимает вверх большой палец и переворачивает скворчащие аппетитные оладушки.

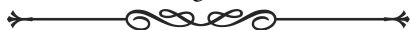
Я зажимаю пальцами нос, чтобы лишний раз не травмировать себя и не поддаваться искушению, особенно когда времени в обрез.

— Ты всегда так говоришь, — с обреченным вздохом отвечаю я. — Пойду спрошу у Ромыча.

— Доча, поешь, — кричит вдогонку мама.

— Мне некогда!

А все потому, что я целое утро провозилась с мытьем и сушкой головы. Обычно я готовилась к универу с вечера, чтобы утром не отвлекаться и приходиться на занятия вовремя. Но в субботу мы с мамой ходили по магазинам и купили мне но-

Буду твоей Верой

вые полусапожки — замшевые. И я решила, что к новой обуви вряд ли подойдут мои свалявшиеся за ночь волосы. Если пытаться произвести впечатление, то сразу всем своим видом, а не частично.

Прагматик во мне во все уши трубил, что тратиться на замшевые сапожки для дождливой осени, зная, что другие не светят, как минимум слишком самонадеянно и как максимум не рационально. Но мамуля умеет уговаривать и убеждать в том, как они мне идут.

Мне и самой они симпатичны, а если эти сапожки добавят баллов, чтобы понравиться еще и *ему*, то я, возможно, перестану чувствовать угрызения совести.

Но мне все равно крайне важно услышать мнение независимой стороны и самого младшего члена нашей дружной семьи — моего брата, одиннадцатиклассника Ромы.

— Ром, ты одет? Можно войти? Знаю, что ты не спишь. — Я трясусь занавеской, которая вместо двери разделяет одну небольшую комнату на два одинаковых пространства.

У нас обычная двухкомнатная хрущевка в старом районе. С бабушками-собачницами, милыми ухоженными палисадниками вдоль первых этажей, с деревянными столбами и протянутыми между ними веревками, на которых жители ниж-

него этажа сушат в летнее время белье. С дедами, играющими по выходным в домино или нарды, и с облитыми флотским мазутом скамейками, чтобы по вечерам молодежь не собиралась под окнами, раздражая этих самых бабушек. С переломанными обшарпанными детскими площадками, где малышня собирает занозы и шишки.

Наше с Ромой детство прошло здесь — в этих песочницах с формочками для куличиков, с песком в трусах и ушах. Мы с братом радовались, что он мокрый и липкий, совершенно не подозревая о том, что пятью минутами ранее его смочили местная толстая кошка и худая соседская собака.

Гостиную занимают родители. Нам с Ромой досталась спальня, разделенная тонкой перегородкой из гипсокартона, а как только Роме исполнилось четырнадцать, он занавесился от меня шторкой. Так и живем!

— Сплю, — пыхтит брат. Наверное, как обычно, прячется с телефоном под одеялом.

— Не ври. Я вхожу. — Я закрываю руками лицо, мало ли. — Вошла, Ромка.

— Вижу, — опять этот голос, как из трехлитровой банки.

Я отрываю от лица один палец, потом второй и в щелочку между ними подсматриваю одним глазом.

Буду твоей Верой

— Ох, черт! — Я хватаюсь за сердце от удивленного.

Мой брат с голым торсом, но, к счастью, в спортивном трико, отжимается от пола, а на голове у него... зеленый, самый настоящий противогаз.

— Доброе утро. — Он снимает с себя устройство защиты и являет мне свою мокрую взъерошенную голову.

— Где ты его взял? — Я беру противогаз и верчу в руках.

И впрямь настоящий!

Ой, а пахнет ужасно. Ромкиным потом.

— Из кабинета ОБЖ стырил, — ржет мой брат-идиот.

Иногда я не верю, что мы — родственники. Я — суперответственная, мегарациональная отличница. Мой брат же — обаятельный оболтус, и это все, что можно о нем рассказать.

— Ром, ты дурак? — Хотя это и так понятно. — Чтобы сегодня же в школу вернул, понял? Иначе родителям расскажу, — шикаю я на брата.

— Стукачка, — бубнит брат и поднимается с пола. — Зачем приперлась?

Ах да, точно!

Я расправляю плечи, обворожительно, как я надеюсь, улыбаюсь и выставляю вперед одну ногу в новом полусапожке.

— Ну как? — интересуюсь у брата.

Рома оценивающим взглядом проходится по мне, наклоняет голову то влево, то вправо, пока я, нервничая от того, что начинаю опаздывать, томительно ожидаю его вердикта. И, не выдержав, поторапливаю:

— Ну?!

— Тебе правду или соврать?

— Правду, конечно, — фыркаю я.

— Полный отстой. Кажется, в таких ходила наша прабабушка.

Мои плечи обреченно падают, а нога подкашивается с устойчивого невысокого каблучка.

— А если соврать? — еще на что-то надеюсь я.

— Ну-у... — приценивается брат, — тебе идет! —

Затем он ржет так, что мне хочется схватить противогаз и постучать по его наглой физиономии.

— Дурак.

С этими словами я вылетаю из дьявольского логова под мерзкий хохот брата и несусь прямоком в прихожую.

— Сам он отстой, — бубню себе под нос и пытаюсь натянуть бежевое кашемировое пальто, купленное на распродаже летом.

— Веруня, а позавтракать? — Мама появляется в прихожей с наколотыми на вилку невыносимо аппетитными оладьями.

Буду твоей Верой

— Некогда, мамуль, у меня злаковый батончик с собой. Пока. — Я машу маме и проворачиваю замок.

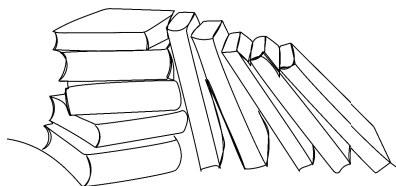
Выхожу за дверь и... Эх, не могу!

Я не слабохарактерная, а слабоустойчивая.

Перед едой.

Перед любой вкусной едой. И мама об этом знает, поэтому, когда я залетаю обратно в квартиру, она по-прежнему стоит на месте. Под ее одобрителный кивок подхватываю верхний оладушек и целиком засовываю в рот.

По дороге прожую.

2. Вера

Я ловко маневрирую между лужами, а где не могу, то иду по бортику как канатоходец, расставив руки в стороны. В одной удерживаю сумку, в другой — зонт. Держу баланс. Мне нельзя промочить и испачкать новые сапожки и почти новое пальто.

Октябрь в этом году мерзкий. Дождливый, как сказали бы депрессивные и солнцезависимые.

А мне нравится любая погода.

Как можно не восхищаться опавшими багряно-огненными листьями, прибитыми к земле грибным дождем? Или свежим влажным воздухом, наполненным романтичным унынием? Или низкими серыми облаками, гонимыми осенним ветром?

Я нависаю над чистой прозрачной лужицей и разглядываю себя точно в зеркале.

Эти очки...

С печальным вздохом перепрыгиваю через лужу, подключаю гарнитуру к телефону и спускаюсь в метро, которое доведет меня до университета.

Буду твоей Верой

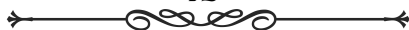
Вуз, в котором я учусь, достаточно престижный в столице. Моих баллов ЕГЭ хватило поступить на бюджет. Вернее, они были самыми высокими среди всех поступающих на «Менеджмент».

Мне нравится территория нашего университета. Десять корпусов образуют студенческий городок, объединенный тенистыми аллеями и дорожками. Здесь находятся большая научная библиотека и несколько кофеен, а перед главным корпусом стоит фонтан, рядом с которым в теплую погоду обожают проводить свободное время студенты.

Иногда мне даже не верится, что я — студентка второго курса экономического факультета.

Каждый раз, пробегая по главной аллее, я чувствую себя частью одной общей неповторимой студенческой семьи. Но только на этой аллее. Потому что дальше я погружаюсь в мир знаний, учебников, коллоквиумов и гонки за оценками, стараясь обособиться от этой самой неповторимой общей семьи.

Вся студенческая жизнь проходит мимо меня: я не хожу по впискам, не участвую в групповых сборищах, не играю и не смотрю местный КВН, не зависаю в столовой, не курю в уборных, не болею за «наших», не состою в группе поддержки, и у меня нет друзей.

Я не интроверт и довольно общительна. Но с друзьями у меня как-то не складывается.

Наша группа разбилась на лагеря по интересам, а я так и не смогла прибиться ни к одному из них. Пока мои одноклассники заводили знакомства на студенческих вечеринках, я дружила с учебниками и художественной литературой.

Мой брат называет меня «Остановкой “Ботанический сад”», но я не ботан, просто... Ладно, да, я — ботан. Очкастый щуплый ботан. Но это не значит, что я ни с кем не общаюсь и считаю всех недалекими.

Хотя половину сидящих в огромной аудитории я именно такими и считаю.

Я замедляю шаг и сканирую взглядом присутствующих, пытаюсь высмотреть *его*, чтобы приостановиться поближе, а потом всю пару украдкой глазеть.

В аудитории с деревянными восходящими кверху столами шумно и оживленно. Первой парой у нас общая на весь менеджерский поток дисциплина — лекция по высшей математике. Я каждый раз жду эти совместные занятия, потому что потом мы разбредаемся по своим группам на семинары, а Артем Чернышов, к моей скорби, не в моей группе.

По Чернышову я тайно страдаю вот уже второй год. Правда, за летние каникулы я о нем забыла

Буду твоей Верой

и успокоилась. А когда мы вышли на учебу в сентябре, я поняла, что до сих пор страдаю.

Пусть я заучка, но это не значит, что мне не может кто-то нравиться.

Мне нравится Артем Чернышов, но проблема в том, что я ему, похоже, не нравлюсь.

По Чернышову сходят с ума многие девчонки нашего курса.

Да и не только.

Когда Тема им улыбается, старшекурсницы истекают слюной, а из их глаз сыплются сердечки и разноцветные конфетти.

Не знаю, что сыплется из моих окуляров, но Чернышов Артем меня не замечает.

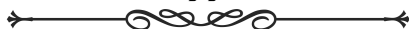
Угораздило же меня влюбиться в главного красавчика нашего потока!

Не могла, что ли, попроще кого-нибудь выбрать?

Но, с другой стороны, попроще — не мой формат. Ставить себе задачи и находить их решение все равно что бросить себе вызов.

— Я заняла тебе место, — кричит Кира Федотова на всю аудиторию так, что половина сидящих находит меня взглядом. Я проклиная ее за то, что она выставила меня объектом ненужного внимания, но только не Артема.

Не знаю, как так получилось, что Кира Федотова вдруг решила, что мы подруги. Смею подозре-

вать, что это случилось после одного случая, когда Кира неудачно уснула на лекции по сопромату.

Неудачно — это когда тебя спалил лектор. Удачно — когда ты выспался и остался непойманым.

Разгневанный преподаватель разбудил Федотову и заставил отвечать на вопрос, который она вряд ли видела и слышала во сне.

Я сидела неподалеку, и черт меня дернул шепнуть ей ответ. Кира, естественно, не расслышала и ляпнула такую глупость, что ее удалили с занятий. Но для нее оказалась важнее не правильность ответа, а то, что из всей аудитории ей помогла только я одна.

С тех пор мы как бы подруги.

Я не разубеждаю ее в этом, но и не соглашаюсь, сохраняя нейтралитет. Мне приходится терпеть ее еще и потому, что иногда она снабжает меня информацией и свежими сплетнями об их второй группе. Между прочим той, в которой учится Артем Чернышов.

С великим прискорбием я поднимаюсь на пятый ряд и сажусь рядом с Кирой. А это очень далеко. С Артемом нас разделяют несколько рядов и проходов. И мне его плохо видно. Но я и так знаю, какой он красивый и гладкий.

Да, гладкий!

